

УДК 821.111

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ДЕКОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕКСТОВ А. КАРТЕР

Е. И. Урупина

(Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кафедра романо-германской филологии)

В статье рассматривается семантическое деконструирование постмодернистских текстов на примере романа английской писательницы А. Картер «Страсть новой Евы». Особое внимание уделяется понятиям «деконструкция» и «интертекстуальность».

Постмодернизм – это сложившаяся в конце XX в. мировоззренческая концепция, появившаяся в литературе и искусстве на содержательном и формальном уровнях. Постмодернизм бросил вызов ключевым

ориентациям, которые доминировали в современной эстетической теории, подчеркнув, что искусство неразрывно связано с другими аспектами жизни и культуры.

Важным понятием при рассмотрении эстетики постмодернизма можно считать «деконструкцию». Применительно к литературе деконструкция значит разрушение и бесконечное пересозидание смысла текста в зависимости от культурного тезауруса читателя. Деконструкция характеризуется наличием элементов карнавала: происходит смена масок, разрушение бинарных оппозиций (добро/зло, невинный/греховный, мужское/женское). Деконструкция понимается как способ интерпретации и как форма существования принципиально открытого, хаотичного постмодернистского текста.

Деконструкция явно прослеживается в текстах английской писательницы А. Картер. Ее работы разрушают многие давние табу, не в последнюю очередь в том, что она прямо ставит женщин в центр своих повествований. Несомненно противоречивое произведение А. Картер «Страсть новой Евы» – это типичный постмодернистский роман, в котором искусно переплетаются элементы научной фантастики и магического реализма, присутствуют коды феминистского текста.

Центральным событием в романе является трансформация мужчины в женщину, а именно принятие им измененного внешнего вида, влекущее за собой разрыв связей между физическим телом и сознанием. В результате операции Эвелин становится идеальной женщиной, но, несмотря на внешние метаморфозы, он на подсознательном уровне остается мужчиной: «The cock in my head, still, twitched at the sight of myself» [1, с. 50]. Таким образом, автор разграничивает понятия «пол» и «гендер». А. Картер демонстрирует, что гендер – никак не стандартизированный неподвижный конструкт, а полный диапазон вероятных комбинаций. Ее замысел достигается с помощью деконструирования бинарной оппозиции мужское/женское. Имя главного героя (Evelin – (Eve(lin))) уже само по себе является воплощением двойственности и указывает на гендерную неопределенность.

Сюжеты, связанные с трансформациями, обычно выходят из философии, мифологии либо фольклора. В романе А. Картер деконструируются мифологические и библейские мотивы и образы, представленные множественными интертекстами. Интертекстуальные отсылки могут быть представлены в форме цитаты, аллюзии либо реминисценции.

Интертекстуальность является базовой категорией культуры постмодерна, основным приемом и неотъемлемым компонентом постмодернистского дискурса. Ю. Кристева определяет интертекстуальность как «особые диалогические отношения текстов, строящихся как мозаика цитаций, являющихся результатом впитывания и видоизменения других текстов, ориентации на контекст» [2, с. 432].

Мифологические интертексты изобилуют в романе. Хор женских голосов поет литанию во славу Матери-богини, которая включает в себя мифических персонажей, таких как Даная, Альфито, Деметра, а также межрелигиозные ссылки, заканчивающиеся индийской индуистской богиней Кали, христианской Марией, древнегреческой Афродитой и даже Иокастой.

Сама Мать – искусственная богиня, которая хирургическим путем трансформировала свое тело в гротескную версию материнского божества, пришивая себе ярусы груди, пожертвованных ее прислужницами, и становясь «мифологическим артефактом». Мать по сути является воплощением сложной смеси мифологии и технологии. Таким образом А. Картер иронически демонстрирует образ предводительницы матриархата, стремящейся сочетать в себе качества всех богинь, становясь при этом абсолютно идеальным существом. Создав гротескный образ Матери как духовного лидера воинствующих феминисток, А. Картер стремилась развенчать культ идолопоклонничества и научить читателя критически относиться к любым радикальным идеям.

Кроме того, в романе присутствуют также аллюзии на миф об Эдипе. У Матери есть своя интерпретация этого мифа, которая благоприятствует ее точке зрения на матриархат. Она говорит: «Oedipus wanted to live backwards. He had a sensible desire to murder his father, who dragged him from the womb in complicity with historicity. His father wanted to send little Oedipus forward on a phallic projecting. But Oedipus botched the job. In complicity with phallogocentricity, he concludes his trajectory a blind man, wandering by the sea shore in search for reconciliation» [1, с. 53]. Этим Мать показывает слабость патриархата и утверждает, что выбор, сделанный в сторону фаллоцентризма, неизменно ведет к гибели.

Имя главной героини привлекает внимание к мифу о Еве в библейской истории. Женщина создана для того, чтобы быть ниже мужчины, так как она создана из ребра Адама. Она также представляется искушительницей, которая искушает Адама съесть плод древа познания и вследствие этого быть изгнанной из Эдемского сада. Картер пытается исследовать последствия этого мифа, который испортил жизнь женщин с незапамятных времен. Здесь же образ Евы трансформируется. Ее хотят представить как спасительницу от патриархального гнета.

Внимания также заслуживает название романа «Страсть новой Евы». Слово «страсть» (passion) чаще всего обозначает сильное, доминирующее над другими, желание человека, часто сексуального характере-

ра, характеризующееся сильным влечением к чему-либо. Однако с религиозной точки зрения это слово имеет совершенно иное значение: в христианстве слово «страсть» (The Passion) означает «страдание» и первоначально относится к страданию Иисуса на кресте (Страсти Христовы). Позже оно стало означать страдание, которое приведет человека к святости, ощущение оставления своего тела и соединения с Богом на некоторое время. Главный герой романа проходит и через страдания, и постигает страсть и в разные моменты повествования.

Еще одна аллюзия на Библию представлена в романе в виде образа Лилит (Лейлы). Лилит, согласно тексту Ветхого Завета первая жена Адама, здесь становится любовью и в итоге проводником Евы. На первый взгляд кажется, что Лейла является жертвой, подчиняющейся устоям патриархального общества, но в конце ее образ трансформируется в Лилит – лидера восстания, соответственно, она оказывается охотником. Ева понимает, что Лейла никогда объективно не существовала, а была лишь искусственным образом, созданным на основе ее собственных фантазий, находящихся под воздействием средств массовой информации и голливудских экранов. Таким образом, можно увидеть, как в романе деконструируется социальная фикция, которая регулирует жизнь общества.

Итак, семантическое деконструирование в текстах А. Картер порождает диалог культур и мировоззрений, в ходе которого происходит постоянное пересозидание смыслов, что соответствует хаотичной пост-модернистской картине мира.

Литература

1. Carter, A. The passion of new Eve / A. Carter. – London : Virago, 1982. – 215 p.
2. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М. : РОССПЭН, 1996. – 656 с.